

УДК 821.161.1.09-32+929Чехов

Журналистика и журналисты в рассказах А. П. Чехова

Е. Г. Елина

Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, elinaeg@info.sgu.ru

В прозе Чехова представлены персонажи-журналисты, репортеры, газетчики, читатели газет и сами газетные публикации. Исследуется типаж чеховского репортера, стереотипность поведения и характера которого становятся своеобразным амплуа. С переходом от комических рассказов к «скучным историям» героев, с усилением подтекста репортеры с их однолинейностью изображения исчезают из произведений Чехова.

Ключевые слова: Чехов, журналистика, репортер, газетчик, читатель газеты, подтекст, психологизм, литературное амплуа.

Поступила в редакцию: 27.08.2020 / Принята: 03.09.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Journalism and Journalists in A. P. Chekhov's Stories

E. G. Elina

Elena G. Elina, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, elinaeg@info.sgu.ru

In A. P. Chekhov's prose such characters as journalists, reporters, news reporters, newspaper readers, and newspaper contributions themselves are introduced. The type of Chekhov's reporter is studied, whose stereotypical behavior and character become a specialty of a kind. With the transition from comic stories to the 'dull stories' of the characters, with the enhancement of the underlying message, the reporters with their single-line depiction disappear from Chekhov's works.

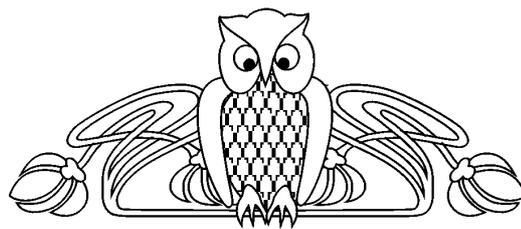
Keywords: A. P. Chekhov, journalism, reporter, news reporter, newspaper reader, underlying message, psychological function, literary specialty.

Received: 27.08.2020 / Accepted: 03.09.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-4-440-447>

Отношение А. П. Чехова к журналистике и журналистам изучалось в основном в биографическом ключе. Небольшая, но глубоко содержательная книга Б. И. Есина «Чехов-журналист»¹ дает объемное представление о взаимосвязях Чехова и современных ему газет, журналов и авторов публикаций. Немало написано

об отношениях А. П. Чехова и А. С. Суворина. Все наиболее серьезные монографии, посвященные жизни и творчеству Чехова, так или иначе откликаются на историю этого многолетнего творческого диалога². В меньшей степени изучены чеховские герои-журналисты. Они рассматриваются, как правило, в публикациях, посвященных прозе писателя в контексте его творческих исканий.

Труды А. П. Скафтымова о Чехове, хотя ученый не касался напрямую нашей темы, дают ощутимое понимание и представление о самом типе персонажей, которым посвящена данная работа.

Мир журналистики в рассказах Чехова весьма обширен. Здесь мы найдем великое множество реальных и пародийных наименований газет и журналов чеховского времени. Из контекста становится абсолютно понятно отношение самого Чехова к этим изданиям. В маленьком рассказе «Мысли читателя газет и журналов» Чехов размышляет о типах современных газетных изданий и об их названиях. «Русская печать имеет в своем распоряжении множество источников света. Она имеет: комаровский Свет, Зарю, Радугу, Свет и тени, Луч, Огонек, Рассвет <...> Но почему ей так темно?»³. Перечисленные издания названы без кавычек и возвращают читателя к исконным коннотациям этих названий.

Есть рассказы, где весь текст или его часть пародийно стилизуют газету или журнал. Так, в рассказе «Контра объявлений Антоши Чехонте» пародируется распространенный в печати отдел «Смесь» и тем самым раскрывается отношение Чехова к журналистике его времени. Перечисляя поступившие в продажу книги, Чехов приводит название: «Газетчики и кумовство», соч. прогоревшего редактора» (1; 100). Высмеивает Чехов современную ему прессу в многочисленных объявлениях, включенных в рассказы: «Нужна кухарка трезвая, умеющая стирать и не сотрудничающая в одном Листке <...>» (1; 101). Или стилизация объявления о смерти: «Тысяча сто сорок четыре издателя «Русской газеты» с глубоким прискорбием извещают своих дядюшек, тетюшек, читателей и сотрудников об безвозвратной кончине своего любезного детища «Русской газеты», последовавшей после тяжелого и продолжительного тления» (1; 101). Кивки в сторону репортеров и редакторов постоянны. Чехов насмешничает по поводу снижения количества подписчиков и опасений редакторов в связи с этим, он касается проблемы качества газетного

дела, говоря о мелкотемье и пустоте большинства публикаций.

В рассказе «Комические рекламы и объявления» Чехов снова возвращается к современной журналистике. Он смеется над реально выходящим изданием «Новости и Биржевая газета». Вполне серьезное и деловое рекламное начало о том, что «Новости» имеют свои фабрики, свою типографию и свой книжный магазин, неожиданно оборачивается комическим разоблачением: «<...> с 1882 года будет иметь: собственный дом, собственную конюшню для собственных ослов, собственный дом для умалишенных...» (1; 123). И дальше: «Газета печатается на акциях <...> товарищества» (1; 123). Другое объявление: «Сбежали подписчики: кто найдет их, тот пусть доставит в редакцию “Минуты”. Вознаграждение – рукопожатие редактора» (1; 123).

Тема газетных объявлений была близка Чехову. В рассказе «Перепутанные объявления» жеребец дает уроки фехтования, дворник ищет место гувернантки, а зубной врач вставляет зубы по случаю ненастной погоды. И, конечно, печатным изданиям тоже достается. «С 1-го февраля будет выходить без предварительной цензуры акушерка Дылдина», а «Редакция журнала “Нива” имеет для рожениц отдельные комнаты» (2; 183).

В другом рассказе – пародийном «Календаре “Будильника” на 1882 год (Март-апрель)» – среди многих злободневных тем попадает и тема никчемной журналистики. В календаре равнозначными оказываются общественные события, рецепты и меню обедов. «В редакции “Гражданина” затмение солнца и засуха» (1; 146); «В редакции “Калужских губ. ведомостей” произойдет прохождение Венеры через диск солнца» (1; 148); «Русь начнет печататься с титлами» (1; 152); «Редакторы просмотрят последнюю корректуру и до вторника почтуют на лаврах» (1; 153); «Именинник Кифа Мокиевич, Кречинский и Хлестаков выходят из “Нового времени”, чтобы издавать новую газету “Благонамеренные козлы”» (1; 155); «В редакции “Гражданина” введение телесного наказания» (1; 158). Эти и другие фразы из календаря не щадят современные Чехову издания, их редакторов и авторов.

В забавном рассказе «Дело о 1884 году (от нашего корреспондента)» суд слушает дело, в процессе которого обвиняется 1884 год. Среди других преступлений году вменяется безнравственность печати. Публику даже выводят из зала, когда читается номер «Гражданина» и показывается номер «Луча». Подсудимый – 1884 год – пытается оправдываться тем, что и для него время растрчивалось попусту. Он говорит о печати: «Говорят, что все журналы были пусты, бессодержательны, что в печати преобладал кукиш в кармане, что таланты словно в воду канули» (3; 161). В результате суд приговаривает обвиняемого «сослать в Лету на поселение навсегда» (3; 161).

В рассказах, посвященных современной печати, использован широкий спектр сатирических приемов: метафорические переносы, перечисление в одном логическом ряду природных и социальных явлений, изображение редакционных новостей в формате школьного дневника природы, комические параллели и аналогии, обращение к литературным персонажам, заимствованным из произведений других писателей, и использование их фамилий вместо фамилий реально действующих журналистов, подстановка газетных штампов в информационное сообщение. В результате рождается саркастически явленная модель современной Чехову журналистики. Все эти приемы открыл и активизировал применительно к журналистике и типам журналистов 1860–1880-х гг. М. Е. Салтыков-Щедрин. Щедринизмы функционируют в рассказах Чехова открыто и органично, не раз здесь использованы щедринские формулы, обращенные к современной печати. Так, например, у Салтыкова-Щедрина встречается устойчивая номинация «Краса Демидрона» (как пишет Салтыков, «газета ассенизационно-любоэстрастная, выходящая в дни публичных драк»⁴). «Краса Демидрона» – метафора приспособленчества в журналистике, где газетная «красивость» сочетается с претенциозным эвфемизмом публичного дома. Чеховский Кифа Мокиевич – гоголевский персонаж, упоминаемый Салтыковым. Находим у Чехова и другие любимые щедринские приемы: переименованные названия существующих газет, алогизмы, метафорические переносы. Следует сказать, что у Чехова с Салтыковым совпадает не только перечень сатирических приемов, формирующих образ журналистики, но и сама эстетическая и этическая парадигма современной печати.

Мир чеховских рассказов плотно населен. Среди его героев учителя, полицейские, надворные советники, лавочники, трактирщики, офицеры, акцизные, нотариусы, художники, пассажиры, первые любовники, извозчики, кухарки, обыватели – трудно найти социальную роль, которая бы не появилась и не «выстрелила» у Чехова. Уже в самом начале небольшого рассказа Чехов предпочитает обозначать профессию своего героя, его должность, чин или статус. Возможно, это одна из важных причин, позволяющая говорить о сценичности чеховских рассказов, их драматическом в жанровом смысле этого слова наполнении.

Среди персонажей, которые активно населяют раннюю прозу Чехова, – человек пишущий. Чеховская манера укрупнять своих героев, сколь бы «маленькими» в социальном отношении они ни были, масштабировать их поступки оказывается важной в изображении журналистов.

Газетчик в комических рассказах Чехова голый, его не печатают, он ходит по редакциям в безуспешных поисках заработка, и он смешон. Чехов говорит о таком журналисте: «известный

<...> самому себе» (1; 53). Есть и холеные репортеры, внешне благополучные, но их ничтожность и пустота моментально отмечаются Чеховым: «Перед Илькой стоял молодой человек, лет двадцати пяти, красивый брюнет, в чистенькой черной паре. Это был репортер газеты “Фигаро” Андре д’Омарен <...> Его визитная карточка давала ему бесплатный вход во все подобные места, желающие, чтоб о их скандалах печатались репортички <...> Скандал, описанный в “Фигаро”, – лучшая реклама» (1; 341). При этом автор убежден: русский репортер или французский – он все равно репортер, а значит, персонаж, наделенный неизменными чертами, свойственными этому литературному типу.

Рассказ «Корреспондент» (1882) не раз становился предметом исследовательских наблюдений. И чаще всего главный герой – корреспондент в отставке Иван Никитич – рассматривался в ряду других чеховских персонажей, которых принято вводить в типологический ряд «маленький человек». В чеховском смысле Иван Никитич – один из них, и с него, как принято у Чехова, не снимается ответственность за униженность положения, неизбежную робость, неоправданное преклонение перед сильными мира сего. Для Чехова важно, что маленький человек, оказываясь в сложной житейской или жизненной ситуации, растворяется в грызущей его рабской психологии и рабской морали. Однако при перечитывании рассказа «Корреспондент» стоит обратить внимание на иной аспект проблемы маленького человека. Для Чехова важны ожидания людей при встрече с представителем репортерского цеха. Ведь пока Иван Никитич «смирненно» сидит в углу помещения, где проходит купеческая свадьба, на него никто не обращает внимания. Как только хозяин дома купец Егор Никифорович рекомендует собравшимся Ивана Никитича как писателя и журналиста, так тут же в гостях просыпается неистребимое желание поиздеваться над представителем этой профессии. Дурацкие шутки превращаются в самое настоящее глумление над стариком-журналистом. Готовности напившихся купцов сосредоточены вокруг лишь одного объекта – Ивана Никитича. Посмотрим, что представляет собой реакция публики на журналиста: ему на голову высыпают горсть соли, публика хохочет, морщит носы. К пожилому человеку обращаются на «ты», подбрасывают его в воздух, несмотря на сопротивление, роняют на пол, подпивают. Обращаясь к нему, говорят снисходительно, насмешливо, потом откровенно по-хамски. Отвратительна финальная сцена, где «богач и туз» гонит газетчика прочь из своего дома, призывая в помощь лакея.

Иван Никитич смешон и жалок. Принимая насмешки над ним за почтительное внимание, он воодушевляется, произносит речи, обещает написать статью в «Голос», зачем-то рассказывает о своей неудачливой газетной карьере, вспомина-

ет перенесенные обиды. В конфузе, который случился с героем рассказа, виноват, как свидетельствует автор, сам газетчик, который был лишен таких важных профессиональных качеств, как понимание психологии собеседников, осознание поведенческих траекторий, свойственных толпе, отсутствие элементарных представлений о коммуникативных регистрах. Он был искренен и доверчив, он рассчитывал на понимание и сочувствие, но говорил не с теми и не о том. Он попросту был отчаянно глуп и самонадеян.

Репортер, газетчик сродни литератору. Часто они воспринимаются Чеховым как синонимичные профессии. В рассказе «По-американски» рассказчик планирует в будущем написать роман, а среди своих знакомых числит двух литераторов, одного стихотворца и двух дармоедов, «поучающих человечество на страницах “Русской газеты”» (1; 51). Он ищет жену, которая должна читать только те журналы, «в которых я сотрудничаю, и в жизни своей направления оных придерживаться» (1; 52). И в то же время она не должна читать «Московских ведомостей» и других газет и журналов.

Быт и обычаи повседневного существования в репортерской среде многократно явлены в чеховской юмористике. В рассказе «И то и се (письма и телеграммы)» переписка персонажей дает отчетливое представление о нравах газетных журналистов и газетных театральных критиков. Редактор пишет сотруднику: «Иван Михайлович! Ведь это свинство! Шляетесь каждый вечер в театр с редакционным билетом и в то же время не несете ни единой строчки <...>» (1; 107). Редактор обращается к сотруднику, г-жа N – к сотруднику, жена – к редактору, редактор – к жене, и все эпистолярные инвективы вертятся вокруг гастролей Сары Бернар и возможности воспользоваться редакционным рецензентским билетом.

Репортерский мир в ранних рассказах Чехова – это мир вечного безденежья, отсутствия подлинного интереса к предмету будущей публикации, но вместе с тем привлекательности бесплатного угощения, услуги, милости от тех, кого в иной ситуации презирают и кому не подают руки. Чеховские репортеры зависимы, они вечно заискивают, ищут покровителей, хотя бы кратковременных, врут, выкручиваются, много обещают, но не в состоянии выполнить обещанное.

Для людей, чья профессия связана прежде всего со словом, это самое слово не значит ровным счетом ничего. Они словом не дорожат, не держат его, не понимают его действия, не рассчитывают его силы. Они быстро обижаются, в том числе реагируя на чье-то обидное слово, но и сами легко обижают именно словом. Они словоохотливы, велеречивы, бездельную и бесцельную свою жизнь нередко облачают в высокопарные тирады.

И, конечно, они много пьют, как только получают такую возможность. Страсть к алкоголю у газетчика, как правило, объясняется им самим через высокие материи. Газетчик Фибров из рассказа «Конь и трепетная лань» объясняет свое пагубное пристрастие тем, что «иной раз и свиньей бутылку водки не стрескать» (4; 97). И этот, и другие чеховские газетчики стараются объяснить ничтожность своего существования некими теориями: трудности в добывании фактов, непонимающие редакторы, завистливые коллеги. О пагубности теорий, влияющих на мироощущение чеховских героев, применительно к другим произведениям пишет А. П. Скафтымов⁵.

Жена Фиброва жалуется на неустроенный быт, на вечное отсутствие денег, на грязь в квартире, на плохую еду, на беспокойных соседей. Но изменить свою жизнь, вырваться из такого униженного положения Фибров не в состоянии, хотя время от времени дает своей жене надежду на лучшее.

Чеховский репортер, испытывая материальный недостаток и презрение высшего общества, нередко назойлив, хвастлив, уверен в своей незаменимости. В рассказе «Сказка», посвященном «балбесу, хвастающему своим сотрудничеством в газетах» (5; 120), репортер представлен в виде хвастливой мухи: «Я писательница! Я публицистка, – жужжала она. – Расступитесь, невежи!» (5; 120). Интересно, что признание мухи исходит от комаров, тараканов, клопов и блох. И засиженный мухой газетный лист сама она считает особым отделом, который ей доводится вести в газете.

Чеховские журналисты представлены в самых разных ситуациях – они работают и бездельничают, бегают по городу в поисках заработка и при первой возможности сытно ужинают, они женятся и уходят от жен. Миша Ковров (рассказ «Коллекция») чистит ногти и пьет чай, он собиратель коллекции, куда входит всякая чепуха, которую он и его приятели находили в еде. Журналисты сидят за редакционными столами, в ожидании гонорара царапают и пачкают столы, разрисовывают их рожицами («Ядовитый слу-чай»).

Начитавшись московских газет, сотрудник «Киевлянина» сделал «у самого себя обыск» (2; 106), а не найдя ничего предосудительного, он все-таки сводил себя в квартал» (2; 106). Публицист Иван Иванович Иванов топится в пруду («Кое-что»), петербургский репортер посещает мануфактурную выставку («Майонез»).

В ранних рассказах Чехова представлены не только сами репортеры, но и их профессиональная деятельность, детали ее осуществления. В рассказе «Два романа» приведен «Роман репортера». Здесь отдельные фразы рассказчика пародируют журналистские реалии и профес-

сионализмы. «Прямой носик, дивный бюстик, чудесные волосы, прелестные глазки – ни одной опечатки! Прокорректировал и женился» (1; 482). Применительно к семейной жизни рассказчик запрещает жене «розничную продажу», считает, что «жена есть невеста, наполовину зачеркнутая цензурой», при появлении любовника супруг объявляет жене «первое предостережение», а увидев новорожденного сына, считает, что «сюжет заимствован». Такие важные составляющие репортерского дела, как цензура, гонорар, предостережение изданию, гротескно спроецированы на семейную жизнь.

Профессиональная деятельность репортера, как показывает Чехов, связана, прежде всего, с отчаянными поисками жареных фактов. О чем писать, как продать обнаруженную фактуру, как опередить конкурента, к какому редактору отправиться – задумываются практически все чеховские газетчики. Портной Змирлов из рассказа «Письмо к репортеру» требует денег за сообщенные им факты. Смерти, поджоги, крушение поезда воспринимаются обывателем как «приятные случаи», которые сулят в дальнейшем хорошие деньги.

Наиболее известный в этом отношении рассказ «Два газетчика» (1885). Любопытны психологические характеристики двух репортеров из этого рассказа: один «обрюзглый, сырой, тусклый» (4; 156), потенциальный самоубийца Рыбкин, второй «живой, веселый, розовый», неунывающий, беспринципный Шлепкин, который готов написать хоть о выеденном яйце, хоть о самоубийстве приятеля. Важно, что это не противопоставление двух характеров – душевно тонкого и душевно непробиваемого. Как это часто бывает у Чехова, автор не противопоставляет персонажей, а сопоставляет их, не питая симпатии ни к одному, ни к другому. Ведь Рыбкин страдает не от бездушия своей профессии, не от аморальности репортерских поисков, а от отсутствия свежих фактов, которые еще никто не обнаружил. Внутренний конфликт между двумя газетчиками не развивается в сторону нравственной победы одного из них, а замешивается всего лишь на разных подходах к реализации одних и тех же низменных профессиональных задач. И, конечно, как всегда у Чехова, они оба жалки и убоги.

Униженность репортера и его зависимость от множества людей и обстоятельств не раз становится темой комических рассказов у Чехова. В рассказе «Сон репортера» газетчик Петр Семенович прозябает без денег, ругает скупого редактора и мечтает работать за границей. Во сне он становится всеобщим любимцем, востребованным журналистом, да и сама журналистика вдруг оказывается востребованным занятием. Петр Семенович возвращается в высшем обществе, он одет во фрак, передвигается в карете с редакционным вензелем, при нем состоит знатная

французенка, а главное – у него много денег на выполнение редакционного задания. Но все это лишь сон, ничего общего не имеющий с реальностью.

Чеховские репортеры страдают не только от постоянного безденежья и социального убожества. Главная их проблема – в тотальной нелюбви окружающих. Репортеров не любят уже за сам факт их принадлежности к профессии. При этом они жаждут понимания, признания и, конечно, любви. Они рассчитывают на любовь и почитание в семье, рассчитывают на неких товарищей и друзей, ищут сочувствия среди коллег. А окружающие репортеров всерьез не воспринимают. Профессия эта в общественном сознании столь жалка и ничтожна, что ни о каком уважении окружающих говорить не приходится. Рассуждая о чеховских героях из совсем других рассказов, А. П. Скафтымов убеждает: «Идеал и счастье жизни, по Чехову, находится там, где человек живет высшей, духовной стороной своего существования»⁶. Ученый пишет о борьбе Чехова с обывательской успокоенностью, о «его нравственной взыскательности к человеку и к обществу»⁷. Если взглянуть с помощью скафтымовской оптики на чеховских газетчиков с их постоянной неустроенностью, желанием меньше работать и больше зарабатывать, с их умением попадать в неловкие ситуации, жаждать и не получать любви окружающих, можно сказать, что объяснение нашему литературному типу найдено.

Любопытно, что в мире Чехова газеты активно читают, читают много и охотно, читают все, лишь бы были грамотны, а вот те, кто пишет в эти газеты, авторитета не имеют. Старик Гейним (рассказ «Писатель») – некая смесь Гейне и гения в понимании владельца чайного магазина – пишет рекламный текст, но за свой труд он получит лишь чай-сахар, но не искомые деньги. И когда он пытается защитить себя и сказать, что занимается умственным трудом, в ответ слышит: «Какой труд! Сел, написал и все тут. Писанья не съешь, не выпьешь <...> плевое дело! И рубля не стоит» (4; 211).

Активная нелюбовь окружающих к людям газетного труда принуждает их искать другие защитные механизмы психики, своего рода психологическую компенсацию. Они постоянно раздражены, а порой тиранят близких. Иван Егорович Краснухин, газетчик средней руки (5; 406), – подлинный деспот. Свою работу он воспринимает как тяжкий труд: «Разбит, утомлен душой, на сердце гнетущая тоска, а ты изволь садиться и писать» (5; 404). Он требует абсолютной тишины в доме, повиновения жены, сына и даже соседа. Этот мрачный чеховский герой, тиранящий домашних, упивается своей властью, недополученной в профессии: «И как этот деспот здесь, дома, не похож на того маленького, приниженого, бессловесного, бездарного человечка, которого мы привыкли видеть в редакциях!» (5; 406).

Этот контраст внутренних готовностей и жизненных результатов Чехов видит практически во всех своих персонажах-журналистах.

Сам газетчик чувствует себя неуверенно не только в присутственном месте или в родной редакции, но и в собственном доме. При этом его одолевают несбыточные мечты и желания. В рассказе «Мой домострой» журналист представляет себе идиллическую картинку – мечту каждого репортера. Его теща, жена и свояченица переписывают набело тексты домашнего кумира, бегают по редакциям, требуют от редактора увеличенного гонорара, слушаются своего газетчика-покровителя и кормильца беспрекословно, услаждают его слух игрой на пианино, кормят дорого и обильно. Он для них отец и благодетель, и его сочинения они обязаны читать вслух, а иногда и заучивать наизусть. Подробности быта удачливого журналиста усиливаются, расширяются до неправдоподобных размеров, и всякий новый пример его довольства и процветания обращается в свою противоположность. Становится очевидно, что он такой же, как все, нищий, униженный, постоянно обещающий уставшим близким скорую, но несбыточную благодать.

Общее равнодушно-негативное отношение к газетчику может иногда смениться милостью, если написанная им статья угодила высокому чину. И, напротив, представитель не угодившей кому-то газеты впадает в немилость. В рассказе «Тряпка» секретарь редакции «Гусиного вестника» Кокин не может попасть на любительский спектакль в дом фабриканта только потому, что в его газете была напечатана «не та» рецензия. Кокина, мечтающего о расположении к нему сильных мира сего, об интересе общества к его персоне, просто не пускают на порог. Заверения Кокина, что не он писал рецензию, что он всего лишь секретарь редакции, человек маленький, мало что решающий, что публикация появилась стараниями редактора, ему не помогают.

Бывают и исключения, в чеховском тексте появляются журналисты смелые, принципиальные, молодые, но их общество тем более не признает и не ценит, а, напротив, отвергает. Таков Упрямов, журналист, работающий для сатирического издания и позволяющий себе насмешничать по поводу очень высоких чинов (рассказ «Молодой человек»).

Среди чеховских газетчиков отдельное место занимают рецензенты. Откликаются ли они на пение соловья или на театральную постановку – в любом случае рецензенты, как и другие газетчики, предстают в чеховских рассказах в комическом ореоле. Добавляя статьи в «Уложение о наказаниях» (рассказ «Нечто серьезное»), автор предлагает включить строчку «О предании рецензентов суду за лихоимство» (4; 67).

Рецензенты, появляющиеся у Чехова, меньше всего интересуются искусством. Клеопатра Сергеевна пишет музыкальные фельетоны. Од-

нако дама, принимающая ее в своем доме, так характеризует ее: «...содержанка, распущенная женщина. Ну, можно ли женщине пить водку и при мужчинах корсет снимать? Пишет статьи, говорит постоянно о честности, а как взяла в прошлом году у меня рубль займы, так до сих пор не отдает» (4; 98–99). Рецензия как газетный жанр видится Чехову ряженым («Ряженые»), загримированным неудачно: «По его бесшабашному лаю, хватанию за икры, скаленью зубов трудно узнать в нем цепного пса» (4; 277).

Любопытный парадокс возникает в чеховских рассказах. Люди, далекие от журналистики, воспринимают газеты как золотое дно, источник легких денег, а сами репортеры на страницах рассказов считают копейки, вечно кому-то должны, ругают редакторов за скупость.

В веренище репортеров и газетных литераторов, показанных Чеховым в комическом ореоле, встречаются и те, кто много, серьезно и постоянно работает для печати. Среди таких героев стоит назвать Владимира Семеныча Лядовского из рассказа «Хорошие люди», юриста по образованию и журналиста по призванию. Он пишет театральные заметки и еженедельные фельетоны, а по сути литературно-критические статьи по поводу новых книг. Лядовский выведен на фоне своей сестры Веры, женщины, пытающейся вникнуть в глубокие философские вопросы. Рядом с этой рефлексирующей интеллигенткой, да еще и врачом, Лядовский показан человеком восторженным, не знающим жизни и не желающим задумываться о новых верованиях. Сестра-мыслитель попросту раздражает его, мешает сосредоточиться на очередном газетном опусе, он даже начинает ее стыдиться в присутствии знакомых. Журналист в этом рассказе представлен как человек момента, нужный здесь и сейчас. Не случайно рассказ завершается мыслью о том, что Владимир Семеныч вскоре после смерти был совершенно забыт. Получается, что усилия репортера-поденщика и старания серьезного газетного публициста в результате равнозначны и мало кому интересны.

Герои рассказов Чехова не только пишут в газеты, но и читают их. Кипы газет в комнатах героев, вырезки, дорогие сердцу героини (в жестяной коробочке (1; 62). Чеховские характеры и типы нередко делятся на тех, кто читает газеты и кто их не читает, на тех, кто предпочитает «Московские ведомости» всем остальным и кто их в руки не берет, на тех, кто читает серьезные статьи, и тех, кого интересует раздел «Смесь». Для кого-то изменение интереса к газете или газетам становится знаком каких-то психологических или возрастных процессов: «Газет не читает. Читал когда-то “Московские ведомости”, но, чувствуя при чтении этой газеты тяжесть под ложечкой, сердцебиение и мусть в глазах, он бросил ее» (1; 83).

Чеховские герои читают «Новое время», «Московские ведомости», «Уфимские губер-

ские ведомости», поминают «Голос» и хвалят его за то, что «он закрылся» (2; 347), обыгрывают названия популярных газет: «Я сын почетного потомственного гражданина, читаю “Гражданин”, хожу в гражданском платье и пребываю со своею Анютой в гражданском браке» (2; 106). «Жена моя читает “Новости” и “Новое время”, сам же я предпочитаю московские газеты. По утрам читаю газеты, а вечером приказываю которой-нибудь из дочерей читать вслух “Русскую старину” или “Вестник Европы”. Признаться, я не охотник до толстых журналов, отдаю их знакомым читать, сам же угощаюсь больше иностранцами <...> Читаю “Ниву”, “Всемирную” <...> ну и, конечно, и юмористические» (4; 68), – говорит случайный попутчик в поезде, оказавшийся приемщиком в почтовом отделении.

Читатели газет, как и репортеры, – типы разные. Один «выписывает почти все столичные газеты, но не для того, чтобы читать их. В каждом полученном номере он ищет “предосудительное”; найдя таковое, он вооружается цветным карандашом и марает. Измарав весь номер, он отдает его кучерам на папиросы и чувствует себя здоровым впредь до получения нового номера» (2; 22). Другой, директор железной дороги, напротив, пишет статью «В защиту печати» и, пропагандируя свободу печати, прибегает к стилю остроуму, останавливается на исторических данных, упрекает консерваторов. «Мы либералы, – писал он. – Смейтесь над этим термином! Скальте зубы!» (2; 56–57). Но почитав свежие газеты – «Новое время» и «Голос», обнаружил критику в свой адрес, после чего написал приказ, в котором рекомендовалось не выписывать более некоторых газет и журналов. Иногда человек даже становится похож на газету («швейцар, старый, как “Сын Отечества”») (2; 112).

Чтение газет, отношение к ним, приятие или неприятие отдельных изданий нередко становится у Чехова важным фактором общей характеристики. Читают все или почти все. Проситель на почте из рассказа «Картинки из недавнего прошлого» жалуется, что потеряно его письмо в редакцию «Нового времени», что не пришел очередной номер «Вестника», что не дошло письмо в «Курьер».

О популярности газет и чтения свидетельствует замечательно смешной рассказ «Записка». В провинциальном клубе исчезают из читальни газеты и журналы. От библиотекарши требуют объяснительную, и она, безграмотная и испуганная предстоящим наказанием, сообщает, у кого и где находятся утерянные номера; выясняется, что «Русская мысль» – у квартального, «Русский курьер» – у немца в портерной, «Осколки» – в посудной лавке, «Нива» – у кабатчика. Там много забавных подробностей и не менее забавных умозаключений автора докладной, но нам важно подчеркнуть интерес людей из самых разных общественных слоев к печатному слову. Ведь

зачем-то завсегда и клуба растащили по своим домам библиотечные экземпляры газет!

Еще один тип читательницы представлен в рассказе «Светлая личность», написанном в излюбленном Чеховом ключе: разлад между возвышенными ожиданиями одного персонажа и грубой действительностью, в которую погружен второй персонаж. Влюбленный в соседку из противоположного дома человек, считающий себя психологом и знатоком человеческого сердца, каждое утро наблюдает, как его прекрасная незнакомка читает газеты. Читает то печалься, то восхищаясь, то негодуя. Герой рассказа уверен, что так эмоционально его дама сердца реагирует на последние политические новости. Однако все оказывается просто и буднично. Она жена репортера, и в каждом газетном номере она ищет публикации своего мужа, подсчитывая причитающийся гонорар.

Нередко в рассказах Чехова мы видим героев, спорящих после сытного обеда или ужина о насущных проблемах – о суде присяжных, о женском образовании, о вопросах политики или международной жизни. В этом ряду не последнее место занимает современная печать. Выбором газет и журналов, интересом к отдельным публикациям и конкретным авторам во многом определяется психологический тип чеховского персонажа, его социально-политические и моральные ориентиры. Любители и читатели газет сменяются у Чехова теми, кто газет отродясь не читал. В рассказе «Маска» в читальном зале со столика сметают газеты и журналы, чтобы раставить бутылки. Желаящий устроить скандал местный миллионер высказывается о газетах так: «А по моему мнению вы, господа почтенные, любите газету оттого, что вам выпить не на что. Так ли я говорю? Ха-ха! Читают! ну, а о чем там написано? <...> Про какие факты вы читаете?» (3; 86).

Чтение или нечтение газет определяет не только степень учености и воспитанности чеховских персонажей, но становится водоразделом между целыми народами. Скажем, «французы <...> читают нескромные романы, женятся без позволения родителей, не слушаются дворников, не уважают старших и даже не читают “Московских ведомостей”» (3; 113). Отсутствие интереса к современной газете может оказываться предметом гордости у чеховского героя. Человеку неинтересны газеты и все, что в них печатают. В рассказе «История одного торгового предприятия» показан человек, который прошел путь от увлечения печатным словом, стремления его популяризировать до презрения к нему и полного отказа от книги или литературного журнала. Для Чехова такой путь – это тоже путь нравственных поисков, только путь вспять.

Мы не встретим в рассказах Чехова обозначения «журналист». Своих пишущих персонажей писатель называет газетчиками, ре-

портерами, корреспондентами и литераторами. Попадают здесь представители таких редакционных должностей, как редактор и секретарь редакции. Есть лишь одно исключение из общего правила, когда пишущим человеком оказывается повествователь. Как правило, если повествователь сообщает о себе детали биографии, выясняется, что он либо доктор, либо литератор. Таким образом, понятие «литератор» в контексте чеховских рассказов имеет как минимум два значения. Это литератор, принадлежащий миру литературы, иначе говоря, писатель. И здесь возможны варианты: писатель, прозаик, поэт, драматург. Другое значение – газетный литератор, занятый поденной журналистской работой. При этом литератор-писатель для Чехова – это более высокий социальный статус, это человек, завоевавший уважение окружающих, имеющий своего читателя. Литератор-газетчик – это всегда неудачник, несмотря на университетское образование, он находится на нижних ступенях социальной иерархии. Без денег, под хмельком, неудачливый в женитьбе, он чаще всего показан в комической ситуации. Он жалок, но как комического героя его не жалко, он обладает рабской психологией, с нескрываемым удовольствием воспринимает унижительность своего положения. В своих мечтах он представляет себя знаменитым и богатым, несет в себе какую-то тайну, любим красивыми женщинами.

По мере смены комической системы координат в ранних рассказах и перехода в стихию бренности жизни, ее бесцельности и ничтожности Чехов все реже и реже делает своими героями репортеров. Они словно перестают ему быть интересными. Возможно, это связано с тем, что Чехов и сам уже не так систематически работает в журналистике.

Мотив скуки, бесцельно проживаемых дней, определяющий позднюю новеллистику Чехова, связан с представителями разных профессий и человеческих пристрастий, но репортеров здесь нет. Герой рассказа «В Москве» (1891) – московский Гамлет, скучающий интеллигент, не удовлетворенный ни театральными премьерными, ни художественными выставками, – завсегда редакция. Он пишет в журналы большие и скучные, а главное, банальные тексты и болезненно следит за тем, чтобы они были напечатаны. Мир журналистики становится частью большого и скучного московского мира, населенного полуобразованными скучающими пресыщенными людьми. Таким образом, современная печать показана как один из атрибутов социокультурного пространства, в которое помещены «интеллигентные» чеховские герои, не вызывающие у автора сочувствия.

Скучающие и пишущие от скуки герои изредка появляются, а вот репортер покидает пределы рассказов. Очевидно, что в творческом сознании Чехова репортер – едва ли не

комик, каждое действие которого способно лишь рассмешить или вызвать брезгливую гримасу у читателя. Чеховский репортер настолько стереотипен, что можно говорить о появлении своеобразного литературного амплуа, когда при одном упоминании профессии заданы все векторы поведения персонажа, все обертоны настроения и высказываний, а главное – восприятие общественным сознанием.

Мысль о том, что «все ничтожно, бренно, призрачно и обманчиво, как мираж» (7; 235), не может родиться в голове у человека, зарабатывающего свой кусок хлеба таким низменным занятием, как репортерские заметки в газету. Журналисты уходят из чеховской прозы не только с появлением и углублением философского наполнения рассказов, но и с усилением подтекстов в творчестве писателя. В сложных, запутанных, извилистых отношениях между людьми, в рефлексизирующих всполохах сознания героев, когда Чехов предпочитает уходить от прямых оценок и ответов, когда появляется «Тара...рабумбия» вместо прямого объяснения (рассказ «Володя большой и Володя маленький»), однолинейный

тип героя-газетчика, репортера исчезает. Ему, находящемуся в системе однозначных оценок, нет места в глубинах чеховского психологизма.

Примечания

- ¹ См.: Есин Б. Чехов-журналист. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977.
- ² См., например, работы М. П. Громова, В. Б. Катаева, Д. Рейфилда, Ю. В. Соболева, И. Н. Сухих, А. П. Чудакова, К. И. Чуковского и др.
- ³ Чехов А. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. Т. 2. М. : Наука, 1983. С. 14. Далее ссылки на произведения Чехова даются по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы.
- ⁴ Салтыков-Щедрин М. Современная идиллия // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. : в 20 т. Т. 15 (1). М. : Худож. лит., 1973. С. 61.
- ⁵ См.: Скафтымов А. О повестях Чехова «Палата № 6» и «Моя жизнь» // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М. : Худож. лит., 1972. С. 399–400.
- ⁶ Там же. С. 401.
- ⁷ Там же. С. 402.

Образец для цитирования:

Елина Е. Г. Журналистика и журналисты в рассказах А. П. Чехова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 440–447. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-4-440-447>

Cite this article as:

Elina E. G. Journalism and Journalists in A. P. Chekhov's Stories. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 440–447 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-4-440-447>